Кривая Ель

18+

Андрей Штукатуров

Кривая Ель

«Автор»
2026

Штукатуров А.

Кривая Ель / А. Штукатуров — «Автор», 2026

Путешественники оказались заперты на несколько дней в английской глубинке. Классический герметичный детектив.

© Штукатуров А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Непогода 6
Глава 2. Отложенная партия 9
Глава 3. Мертвец 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Андрей Штукатуров
Кривая Ель

Кривая Ель
18+

СОДЕРЖАНИЕ
Глава 1. Непогода 3
Глава 2. Отложенная партия 7
Глава 3. Мертвец 13
Глава 4. Обгоревший конь 19
Глава 5. Новые открытия 23
Глава 6. Арест 27
Глава 7. Рассказ инспектора 33
Глава 8. Страшная находка 38
Глава 9. Общее собрание 43
Глава 10. Убийца 49
Глава 11. Прощание 42

Глава 1. Непогода

Поезд шёл всё медленнее. Сначала в окне мелькали дома и серые столбы, потом остались одни столбы, потом только белое. Качнуло один раз, другой, и вагон встал.

В купе нас было двое. Напротив сидел худой старик, закутанный в клетчатый плед до самого подбородка; из пледа торчали пенсне, нос и рука с карандашом. На колене лежала газета, в которой он что-то отмечал на полях.

— Холодно, — сказал я, чтобы что-нибудь сказать.

— Всегда, — согласился он. — Грелки в этих вагонах остывают раньше, чем их успевают сменить. Гидеон Прайор.

Я назвался: Томас Хэллам. Он кивнул и показал карандашом на газету.

— Шахматная задача. Газета в Лидсе печатает их по вторникам. Я люблю те, где не спрашивают, что будет дальше, а просят понять, как всё пришло к такой позиции. С людьми, знаете, так тоже бывает. Хотите, продемонстрирую на вас?

— Попробуйте.

Он посмотрел на меня сквозь пенсне, потом на сетку над моей головой.

— Вы врач. Саквояж у вас докторский, это прочёл бы и ребёнок. Но он новый, нет царапин на углах, ремни не потёрты. Значит, практика у вас первая. И ждут вас не раньше субботы: поезд почем-то стоит, а вы за всё это время даже ни разу не достали часы.

— Первое верно, — сказал я. — Второе тоже. А ждут меня завтра. И от часов поезд быстрее не пойдёт.

— Значит, тут ошибся, — хмыкнул Прайор и приписал что-то на полях.

В соседнем купе вдруг раздались крики, из-за тонких перегородок волей-неволей пришлось стать свидетелем скандала.

— Я платил за этот сундук как за багаж, а не как за мусор! Он поедет в вагоне, где поеду я, и точка.

Ему ответил кондуктор, негромко и устало, слов было не разобрать. Пассажир не унимался.

— Вы мне не рассказывайте про правила!

Прайор вздохнул и вернулся к газете. Я стал смотреть в тёмное окно.

Дверь нашего купе открылась. Кондуктор стоял в проходе, на фуражке и плечах лежал снег.

— Джентльмены, впереди выемку перемело, провода оборваны, дальше не пойдём. Ночевать здесь. Кто желает и может заплатить, того проводят в трактир у станции, остальные — в вагоне или зале ожидания.

— Тепло там есть? — спросил Прайор.

— Камин, сэр.

— Тогда я желаю, — сказал Прайор. — И, кажется, могу.

Он стал медленно выпутываться из пледа. Я снял с сетки его потёртый чемоданчик, потом свой саквояж. Коридор уже наполнялся шагами и стуком дверей, и из соседнего купе всё ещё доносился тот самый голос.

— Погорячился я насчет субботы, — сказал Прайор, застёгивая пальто до горла.

— Похоже на то.

Кондуктор распахнул дверь вагона, и стало очень холодно. Он держал фонарь, и свет его ложился на снег жёлтым пятном, дальше которого не было ничего.

Нас повели цепочкой, один железнодорожный служащий с фонарем шел впереди, один в хвосте. Кондуктор проваливался по колено, мы старались ступать в его следы, но ветер заметал

их раньше. Прайор, покачиваясь, шагал, держа плед у горла обеими руками. Его чемоданчик нёс я..

Мы прошли, наверное, метров двести, а потом из темноты появились окна, жёлтые и низкие. Дверь открылась, и на пороге появился какой-то могучий человек: борода по грудь, широченные плечи. Он поднял фонарь, пересчитал нас взглядом и посторонился. Над входом висела потрескавшаяся вывеска: «Кривая Ель».

— Проходите, — сказал он.

За ним в сенях уже суетилась полная женщина в чепце.

— Проходите, проходите, снег на пороге не отряхивайте, я потом подотру, вы в зале отогреетесь. Чай сейчас будет, и суп будет, всем хватит, только не все сразу, у меня руки две. Джордж, ну что ты стоишь, бери у них вещи!

Хозяина, значит, звали Джордж Лэм. Вещей он ни у кого не взял, просто сердито засопел и протиснулся вперед.

Перед лестницей тем временем скопились люди. Худой молодой человек с кожаным портфелем под мышкой вёл под руку женщину в тёмной шали. Она двигалась медленно, из-под шали выбилась мокрая светлая прядь. Я посторонился.

— Мой хозяин задержался на станции из-за багажа, — сказал молодой человек трактирщику. — Ему нужна лучшая комната, а даме отдельная.

— Есть одна. У лестницы, — отозвался Лэм. — Оставлю.

Наверху он миновал первую дверь справа и отворил следующую.

— Эта вам, — сказал он мне. — Та, что у лестницы, занята.

Женщине он указал дверь напротив первой комнаты, Прайору дверь напротив моей.

Сама комната была невелика: камин с заслонкой, ведёрко с углём, умывальник с кувшином, кровать, столик, стул. Я поставил саквояж на стул, вымыл руки в холодной воде, вышел и по привычке захлопнул дверь.

Щёлкнуло. Я хотел открыть, но снаружи взяться было не за что: ни ручки, ни скобы, гладкое дерево и щель у косяка. Я нажал плечом. Дверь не подалась.

В коридоре появился Лэм. Плавным движением он извлек из кармана складной нож.

— Позвольте.

Он вставил лезвие в щель на уровне моего пояса, чуть повёл вверх, внутри тихо щёлкнуло, и дверь отошла.

— Сама падает, — сказал Лэм. — Хлопнешь, и заперто. Ручки ещё при прежнем хозяине поотбивали.

— Я запомню, — сказал я.

Он кивнул, сложил нож и ушёл, или точнее уплыл по коридору: в войлочных туфлях он ступал так, что шагов не было слышно. Я придержал дверь ладонью, чтобы закрыть её тихо, и пошёл вниз, на голоса.

Внизу было тепло, пахло мокрой шерстью и дымом. В зале горел большой камин. У стены, рядом с дверью в кухню, фыркал медный чайный бак, и к нему уже тянулась очередь с кружками.

Прайор сидел у самого огня. Он снова закутался в плед и протянул к решётке ноги в галошах, от которых шёл пар.

— Живу, доктор, — сообщил он на всю залу. — Хотя пока не уверен, что меня надолго хватит.

Посреди залы стоял мужчина в пальто с потертым меховым воротником и держал кружку на отлёте, как кубок.

— Сесил Ланкастер, — объявил он всем сразу и слегка поклонился. — Вы меня, возможно, видели. Нет? Что ж, это случается и с лучшими. Меня ждут в Глазго, джентльмены, ждут завтра вечером! Заболел один несчастный, и я должен заменить его в рождественской

пантомиме. В «Золушке». А я, как видите, стою в трактире посреди снежной пустыни и греюсь у чужого камина.

— Буран по расписанию не ходит, — сказал кто-то у огня.

Человек сидел на сундуке и держал над огнём подошвы сапог. Усы у него были мокрые, живот лежал на коленях. Он убедился, что на него смотрят, и добавил:

— Сержант Харроп, полиция Западного Райдинга. Еду в Карлайл свидетелем в суд. Дело у меня служебное, задерживаться мне никак нельзя. Но против бурана, сэр, и закон бессилен.

— Вот видите, — обрадовался Ланкастер. — Закон бессилен, а искусство тем более.

Хозяйка пронесла мимо нас поднос с кружками и успела сказать на ходу, что суп уже на плите, что хлеб свежий и что комнат на всех хватит, если не спорить. Лэм молча подкинул в камин угля.

Молодой человек с портфелем спустился по лестнице, и вошел в зал. Пальцы у него были тонкие, а на среднем, у ногтя, темнело чернильное пятно.

— Доусон, — сказал он негромко. — Служу у мистера Бирли. Мистер Бирли будет с минуты на минуту. Лучшая комната готова?

— Камин затоплен, — ответил Лэм. — Простыни чистые.

— Благодарю.

Доусон отошёл к стене и встал там, держа портфель обеими руками. К камину он не пошёл. Я хотел спросить, где его спутница, но не стал.

Ланкастер как раз начал рассказывать Прайору, как в прошлом году в Шеффилде у него на сцене порвался пиджак. Прайор вежливо слушал и смотрел в огонь.

Тут дверь на улицу распахнулась. Ветер ударил по лампам, пламя в них легло набок, и по полу с порога покатился снег. Вошёл мужчина. Он был большой и красный, в дорогом пальто с меховым воротником, весь в снегу. Он не стал ни отряхиваться, ни закрывать за собой дверь.

— Хозяин! — закричал он с порога.

Голос я узнал сразу: это он спорил за перегородкой с кондуктором о сундуке.

Незнакомец тем временем обвёл залу взглядом, нашёл Лэма и ткнул в его сторону пальцем в перчатке.

— Лучшую комнату мне. И заслонку там не закрывать, слышишь?

Глава 2. Отложенная партия

Хозяева накрыли один длинный стол на всех. Бирли разместился с торца спиной к камину, рядом с ним сидела женщина в сером шерстяном платье. Шаль она сняла, подсохшие волосы легли светлыми прядями.

— Эдит, жена, — бросил Бирли в нашу сторону, не поднимая головы от тарелки. — Эдит, это господа из поезда.

— Добрый вечер, — едва слышно сказала она.

Прайор кивнул ей, я тоже.

Доусон сел с краю и положил портфель на колени. Бирли добрался до него раньше, чем разлили суп.

— Сундук, Доусон. Я его последний раз видел при посадке. Вам за то и платят, чтобы смотреть.

— Кондуктор не позволил, сэр, я думал...

— Вы думали. Это я уже слышал.

Доусон взял кусок хлеба и стал его крошить.

Напротив меня сержант Харроп жевал так основательно, что слышно было через весь стол. Бирли глянул на него и заметил вполголоса:

— Вот так в Райдинге и работают: пока дожуют, преступник уже в Америке.

Сержант, продолжая жевать, поднял глаза, но ничего не сказал. Ланкастер хмыкнул в кружку.

Хозяин внёс блюдо с запечённой бараниной и поставил его посреди стола. Бирли подцепил кусок.

— Хозяин. Заслонка открыта?

— Как велели.

— Велели, велели. У меня брат был. Лёг спать, заслонку закрыл, а утром горничная нашла его мертвым. Угарел. Дом — полная чаша, а умер, как мышь в печке. Так что у меня заслонка настежь и окно на щель. Слышишь, хозяин?

— Слышу, — сказал Лэм.

Он обошёл стол и поставил перед Бирли миску с картофелем. Тот прищурился:

— Мы раньше не встречались?

— Не знаю, сэр, проезжих много.

— Это да. Картошка холодная.

Лэм взял миску и пошёл к кухне.

— Марта, — крикнул он в дверь, — подогрей картошку.

Марта отозвалась из кухни, что холодной она её не носила, но миска исчезла.

К концу ужина Биирли выпил уже немало. Бутылка стояла у его локтя, стакан он наполнял, не глядя, и лицо у него стало цвета сырого мяса.

Повернувшись всем корпусом к нашей стороне стола, он уставился на Прайора, который отогревал пальцы о кружку с чаем.

— А ведь я вас знаю, — протянул он. — Вы из Брадфорда.

— Служил там, — согласился Прайор. — Теперь на пенсии.

— Инспектор Прайор! — Бирли ткнул в него стаканом. — Ну конечно. Вот он где, брадфордский сыск, в пледе, у трактирного камина. Слышали, господа? Всю жизнь ловил воров, а сам без одеяла от камина не отойдёт.

Он захохотал и стукнул ладонью по столу.

— Да, Брадфорд, — Прайор спокойно отпил чаю. — Я ещё контору Хиткота помню. Восемьдесят четвёртый год.

Он поставил кружку на блюдце.

Я взглянул на Бирли. Смех у него оборвался не сразу: рот ещё был раскрыт, а глаза уже остановились. Стакан с виски застыл у рта. Миссис Бирли повернула к нему голову.

За моей спиной грохнула крышка. Железо о медь, раз, и ещё раз, уже тише, покатилось и стихло. Я обернулся. У камода, где Лэм собирал на поднос кружки, Марта поднимала крышку с пола.

— Ну что ты будешь делать, — выговаривала она крышке.

Я повернулся обратно.

Бирли, натянув улыбку, выдавил:

— Хиткот. Восемьдесят четвёртый. Вы бы ещё Ноев потоп вспомнили, инспектор. Виски!

Он поднял пустой стакан. Марта, всё ещё что-то бормоча про крышку, вынесла из кухни вторую бутылку, и Бирли выхватил её у Марты из рук.

— Говорят, к утру только пуще задует, — сказал Харроп в пространство. — Я на этой линии давно езжу. Однажды занесло так, что пассажиров откапывали лопатами.

— Значит, до Карлайла вы доберётесь к Пасхе, сержант, — заметил Ланкастер. — Надеюсь, у хозяина хорошие запасы пива.

Доусон тихо спросил, нельзя ли принести ему еще хлеба, и хозяйка снова отправилась на кухню. Миссис Бирли подвинула мужу солонку, но тот даже не заметил.

Стол убрали быстро.

Ланкастер вытащил из кармана колоду.

— Ну что, джентльмены. По пенни, чтобы не разорять друг друга. Сержант, вы с нами? Мистер Доусон?

Харроп подумал.

— Можно сыграть, пожалуй, — решил он. — По пенни, значит, на азарт.

Доусон взглянул на Бирли, но тот смотрел в стакан, и Доусон придвинул стул.

— Комедиант и карты, — сказал Бирли, не оборачиваясь. — Кто бы сомневался.

— Искусство требует упражнения, — отозвался Ланкастер и стал сдавать.

Миссис Бирли поднялась, тихо отодвинула стул и постояла, ожидая, не скажет ли муж что-нибудь. Он не сказал. Она кивнула нам и пошла к лестнице. Наверху закрылась дверь.

Я пересел к камину. Прайор уже достал из чемоданчика складную доску, раскрыл её на колене и стал вставлять в поля крошечные фигурки: у каждой снизу был штырёк.

— Что за игрушка? — Бирли развернулся на стуле. — Это у вас специальный дородный набор?

— Да, люблю решать задачи, — сказал Прайор.

— Хозяин! — Бирли не сводил глаз с Прайора. — Принеси нормальные шахматы. Настоящие, есть у тебя?

Лэм молча ушёл в угол, порылся в шкафу и вернулся с потемневшей доской. Бирли встал, тяжело опираясь на стол, склонился над ней, потом вдруг полез в жилетный карман, достал монету и припечатал её рядом. Стукнуло так, что у карточного стола обернулись.

— На соверен, инспектор, — сказал он. — Или боитесь?

— На деньги я не играю, мистер Бирли, — сказал Прайор. — Но пусть лежит.

Он сложил свой дорожный шахматный набор, щёлкнул застёжкой и убрал её в чемоданчик. Соверен остался у края стола. Никто его не тронул.

Фигуры расставляли на трактирной доске вдвоём. Бирли хватал их горстью и ставил со стуком, Прайор — по одной, не глядя. Белые достались Бирли. Я придвинул табурет и сел так, чтобы видеть обоих.

Прайор играл тихо и быстро: сделав ход, он снова брался за кружку. Бирли думал вслух, сопел и размашисто двигал фигуры. Сам я играл слабо, но к миттельшпилю стало очевидно

даже мне: дела Бирли были плохи. Сам он, кажется, этого не замечал, шумно комментируя свои ходы и продолжая налегать на бутылку.

— Ваш ход, — сказал ему Прайор.

— Подождёт. Я сейчас.

Бирли подтащил стул к картёжникам и втиснулся между Ланкастером и Доусоном. Доусон подвинулся. Бирли бросил на стол пенни, получил карты, допил стакан и вступил в игру. Проиграл раз, другой, потом выиграл и тут же снова проиграл. Ланкастер сдавал медленно и разговаривал с колодой.

— Постой-ка, — заплетающимся языком сказал Бирли.

Рука Ланкастера остановилась над столом.

— Эту ты сдал снизу. Я видел. Не первый раз за вечер.

— Помилуйте, сэр...

— Не надо «сэр». Покажи колоду.

Сержант Харроп выпрямился на стуле, положил карты на стол рубашками вверх и прикрыл их ладонью, как положено по форме.

— В Карлайле сдам тебя полиции, — сказал Бирли громко, на всю залу. — Вот сержант, говорю при нем.

Ланкастер улыбнулся. Улыбка вышла сценическая, но лицо посерело.

— Я актёр, сэр, а не фокусник, — сказал он. — Доход приносят мне декламирование и пение.

— Тем лучше. В тюрьме петь не запрещают.

Доусон смотрел себе на руки. Харроп откашлялся и сообщил, что ничего такого не видел, но будет внимательно наблюдать за порядком. Бирли встал из-за стола и поплелся к камину.

Он сел напротив Прайора, посмотрел на доску и как будто бы не сразу даже понял, что на ней происходит. Он потёр лицо, повёл рукой над фигурами, взялся за одну и поставил обратно.

— Время, — сказал он, глянув на часы. — Половина одиннадцатого. Партию откладываем. Ход мой, утром доиграем. Тут надо подумать.

— Как вам угодно, — сказал Прайор.

Он достал из внутреннего кармана блокнот и карандаш и, пока Бирли допивал очередной стакан, начертил квадрат. Я видел клеточки, буквы по краю, значки. Рука двигалась без остановок. Закончив, он сверил лист с доской и закрыл блокнот.

Бирли взял со стола соверен и подбросил его на ладони. Потом вынул толстое портмоне и затолкал монету внутрь. Ланкастер у карточного стола не двигался и глядел на это портмоне, пока оно не исчезло в жилете.

Затем Бирли поднял доску и понёс ее вверх по лестнице, на удивление ровно, как поднос. Взятые фигуры сиротливо теснились на столике у камина.

— Спокойной ночи, доктор, — сказал Прайор.

Наверху я только успел снять сюртук и поставить саквояж в ногах кровати, когда в дверь постучали. Вошёл Лэм и, не дожидаясь приглашения, присел на корточки у камина.

— Ведёрки на ночь не держим, сэр, — сказал он. — Не ровён час, пожар.

— Там угля на донышке.

— Порядок такой, сэр.

Он подхватил ведро и вышел.

Вода в кувшине была ледяная. Я вспомнил, что в баке внизу вода, должно быть, ещё тёплая, взял кувшин и спустился. В зале почти никого не осталось: сержант клевал носом на скамье-ларе, дожидаясь, пока в гостиной поставят для него раскладную кровать, а Прайор уже ушёл к себе. Бак остыл. Я пошёл на кухню.

Марта стояла спиной ко мне в судомойне, у задней двери во двор. Она с лязгом задвинула тяжёлый засов.

— Это вы, доктор? — Она обернулась. — Не пугайтесь, это я дверь на ночь. Засов на мне, каждую ночь: дёрнула, проверила, и спи спокойно. Вам воды? Давайте кувшин, холодной вам нельзя, вы у нас врач, а врачи, говорят, хворают хуже всех.

Она налила горячей воды из чайника, доверху, и я чуть не пролил, принимая кувшин. Сказал спасибо и пошёл обратно. Она крикнула мне вслед, что утром будет овсянка.

Лестница шла круто. На нижнем марше я прижал кувшин к груди, чтобы не плескал. В коридоре наверху горела лампа, и дверь лучшей комнаты, у самой лестницы, была чуть приоткрыта.

— ... думаешь, я забыл?

Это был голос Бирли, негромкий, злой и на удивление трезвый. Ответа я не услышал. В щели виднелась только полоса света.

Несмотря на неловкость положения и продолжил подниматься, потому что стоять на месте было ещё неприличнее. Когда я был на верхней ступеньке, дверь изнутри прикрыли. Я прошёл мимо с кувшином, стараясь не шуметь, протиснулся к себе в комнату и поставил его на умывальник.

Затворяя дверь, я выглянул в коридор. Наискосок, под дверью миссис Бирли, лежала тонкая полоска света. Свет был ровный, тени по нему не проходили. Я повернул ключ в замке и отправился в кровать.

Уснуть не получалось. Кровать была чужая, пружины скрипели, в раме свистел ветер. Я думал о городке по ту сторону перевала, о враче, который ждёт помощника, и о том, хватит ли мне уменья. Потом подумал о полоске света под её дверью и перевернулся на другой бок.

За стеной, в «лучшей» комнате, тоже не спали: что-то передвинули, что-то поставили, стукнула дверь, немного погодя стукнула снова. Чья это была дверь и с какой стороны, я разобрать не мог. Я лежал, считал эти звуки и сбивался.

Потом всё стихло. Остался ветер: налегал на стену, отступал и налегал опять.

Было, наверно, уже за полночь. Совсем рядом тихо щёлкнула щеколда. Почти сразу за ней что-то глухо стукнуло, будто на пол уронили сапог. Я приподнялся на локте и прислушался. Больше ничего не было.

Я лёг. Не знаю, сколько прошло времени, но я успел задремать. Меня разбудил новый звук, громче первого, будто хлопнули дверью. Я нашарил на столике коробок и чиркнул спичкой. Стрелки лежавших рядом часов показывали начало второго.

Я натянул одеяло на плечо, повернулся к стене и на этот раз почти мгновенно заснул.

Разбудил меня запах дыма. Он тянулся в щель под дверью из коридора, кислый и тяжёлый. Голова гудела, в висках стучала тупая боль.

Глава 3. Мертвец

Я вышел в коридор со свечой, оставив дверь открытой, чтобы не упала щеколда. Окно в конце коридора было ещё чёрным, свеча освещала только пол у ног.

Из-под двери Бирли выползал дым. Он стелился по полу тонкой лентой и тянулся к лестнице.

Рядом отворилась дверь, и вышел Доусон. Он был одет до последней пуговицы, даже при галстуке. Первым делом он посмотрел не на дым, а на дверь миссис Бирли. Потом спохватился и повернулся ко мне.

— Что это, доктор?

— Не знаю. Из комнаты вашего хозяина.

Из дальнего конца коридора, шаркая, ковылял Ланкастер в бархатном халате, с растрёпанными волосами.

— Голова раскалывается, — пожаловался он. — Давление, что ли... Господи, а это что?

Появился Прайор. Плед был накинут на плечи поверх ночной рубашки. Он ничего не успел сказать, потому что почти сразу за ним из свой комнаты выглянула миссис Бирли. Она прислонилась к косяку, вся дрожала и куталась в большую шаль. Волосы у неё были заплетены в косу.

Внизу загремело, затопали по ступеням. На этаж вбежал Лэм, а за ним сержант в подтяжках и с расстёгнутым воротом сорочки.

— Мистер Бирли! — Сержант ударил кулаком в дверь. — Мистер Бирли, откройте!

Ответа не было. Лэм толкнул дверь, потом сильнее. Она не подалась.

— Заперто, — сказал сержант.

Я шагнул вперёд.

— У вас же нож, — сказал я Лэму.

— Дым, некогда, — ответил он.

Он отступил на шаг и повернулся к двери плечом. Сержант, пыхтя, встал рядом. Они ударили вместе, раз, и дерево треснуло, но выдержало. Новый удар. Что-то с сухим звуком вылетело из косяка и покатилось по полу: латунная скоба с двумя длинными шурупами. После третьего удара дверь распахнулась, с громким стуком ударившись о стену.

Дым пошёл в коридор плотной волной.

В комнате ничего не было видно. Лэм, нагнув голову, подскочил прямо к окну и рванул раму. В комнату ворвался буран: снег, холод, свист. Потом он присел к камину и дёрнул ручку заслонки. В трубе загудело.

Пламя свечи металось. дым тянуло в окно длинными рваными клочьями. Когда он поредел, я увидел камин: уголь лежал в нём плотной грудой, прогоревший снизу и тусклый сверху. Окно и заслонка, судя по всему, были закрыты.

Ланкастер первым оказался у кровати. Он наклонился и сильно стал трясти лежащего.

— Сэр! Сэр! Мистер Бирли!

Я взял Ланкастера за локоть.

— Отойдите.

Он отступил, потирая висок, и встал у изножья.

Бирли лежал поверх одеяла, в рубашке и расстёгнутом жилете. Я взял его за руку: пальцы не гнулись. Челюсть тоже не поддалась. Тело было холодное, но под спиной, куда я просунул руку, ещё оставалось немного тепла. Несколько часов. Лицо было тёмно-красное, как вчера за столом, только теперь краснота не уходила. Я повернул его за плечо и поднёс свечу к лопаткам: пятна в рыжем свете выступили ярко-розовыми.

— Он мёртв? — спросил Доусон с порога. Голос у него дрожал.

— Да.

— Отчего?

— Угар, — сказал я.

Сержант тяжело вздохнул. Я взял с кровати простыню, расправил и накрыл Бирли с головой.

— Ничего не трогайте до коронера, — сказал я. — Прошу всех.

— Это уж моя забота, доктор, — отозвался сержант. — Слышали? – громко повторил он. Ничего не трогать!

Между кроватью и камином стоял столик, и на нём доска с фигурами. Прайор шагнул мимо кровати к нему.

— Вам тут, инспектор, смотреть нечего, — бросил сержант.

— Я издали, — сказал Прайор и остановился у столика.

Свеча в моей руке догорала, воск стекал на пальцы. Куда её поставить? На стуле у изголовья стоял стакан с какой-то жидкостью. Я переставил стакан на пол — от него пахнуло чем-то аптечным — и опустил на стул свечу. Огонь выпрямился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.